

To cite this article:

Windle, Kevin. "Sergei Aksakov's *Collecting Butterflies* (Excerpts)." *The AALITRA Review: A Journal of Literary Translation* 20, (December 2024): 150-164.

aalitra.org.au

Australian Association for Literary Translation

Sergei Aksakov's *Collecting Butterflies* (Excerpts)

KEVIN WINDLE
The Australian National University

Translator's Introduction

The name of Sergei Timofeyevich Aksakov (1791-1859) is less familiar to the English-speaking public than those of the great Russian novelists of his day, though he has never lacked admirers in his homeland.¹ His best-known works, *The Childhood Years of Bagrov's Grandson* and *A Family Chronicle*, came late in his career and were overshadowed by others at a time when Gogol, Turgenev, Tolstoy and Dostoyevsky dominated the literary landscape. Born in the provincial town of Ufa, west of the Urals, Aksakov attended the new University of Kazan and spent some years managing the family estate in Orenburg province, before settling in Moscow. There he moved in theatrical circles – he would later write of his acquaintance with Gogol – and made his name as a translator of Molière and Walter Scott. (See Durkin, “Pastoral”; Durkin, *Sergej Aksakov*; Mashinsky; Aksakov, *Notes of a Provincial Wildfowler*)

Apart from his works of fiction and some early poetry, he is remembered for his seminal writings in the field of natural history, which came in the form of “notes” on fishing, wildfowling (Aksakov, *Notes on Fishing, Notes of a Provincial Wildfowler*) and butterfly-collecting, the latter being the subject of some reminiscences written in 1858 (Aksakov, “Sobiranie babochek”) and presented in abridged form below.

Vladimir Nabokov, the novelist, translator and lepidopterist, had no time for this memoir, or indeed for its author. The hero of his novel *The Gift* speaks contemptuously of “the wretched Aksakov” and his “disgraceful blunders” in hunting scenes and descriptions of nature (Nabokov, *Gift* 85). These were, he avers, “well-meaning prattle, larded with fatuities of every kind” (Nabokov, *Drugie berega* 75). Aksakov is the name given to a fittingly minor character, Van’s “chaste, angelic Russian tutor” in *Ada* (Nabokov, *Ada* 149), whose subtitle *A Family Chronicle* pays back-handed homage by introducing a family most unlike that in Aksakov’s *Family Chronicle*. Nabokov’s commentary on *Eugene Onegin* mentions Aksakov as “a very minor writer, tremendously puffed up by Slavophile groups” (Pushkin III 139).

While Aksakov himself, a modest man, would have accepted “very minor” without demur, many readers, writers and critics, and not only “Slavophile groups”, would dissent. Among the writers of his day, Dobrolyubov, Turgenev, Gogol, Nekrasov and Dostoyevsky were quick to acknowledge his talent. On reading his wildfowling notes, the critic Nikolai Chernyshevsky exclaimed, “What masterly descriptions, what love for his subject and what knowledge of the life of birds!” (Aksakov, ru.wikipedia). Aksakov is widely recognized as a consummate stylist in no way inferior to his better-known contemporaries. In the Soviet period, some who shared his love of the natural world, including Mikhail Prishvin, Ivan Sokolov-Mikitov, Konstantin Paustovsky and Vladimir Soloukhin, admired his talent and saw in him a kind of spiritual father.

Aksakov often deplored his own lack of imagination. His forte lay in vivid and precise description, in conveying what D. S. Mirsky called “the impression of photographic, unswerving, incorruptible fidelity to fact” (Aksakov, *Chronicles* xi). Non-fiction was his natural home, to the extent that when he did turn to fiction no suspension of disbelief was required. His fictional creations breathed authenticity. Edward Crankshaw described his

¹ This introduction draws on Aksakov, *Provincial Wildfowler* xi-xxi, and Windle 10-29.

Family Chronicle as “a classic example of that essentially Russian genre, a factual record faintly disguised as fiction, or a fiction so actual, so apparently inconsequent and uncontrived, that it reads like fact” (Aksakov, *Russian Gentleman* xi).

Aksakov was blessed with a vocabulary of exceptional range and richness, an eye for detail and an unerring sense of *le mot juste*. The distinguished critic Aleksei Khomyakov wrote: “He felt incorrectness of expression as a kind of insult to the subject itself, as a kind of untruth in relation to his own impression, and he would rest easy only when he found the right word” (quoted in Aksakov, *Fishing* xx).

Any translation of Aksakov’s prose needs to reflect his descriptive skill and stylistic elegance, along with the precision he brought to a scientific subject. The version below seeks to achieve accuracy where accuracy was important to the author, for example, in the identification of species, which is less easy than it may appear. Long before any agreed nomenclature, the same vernacular name might denote a number of species, and any given species might be known by several names. Historical changes in entomological taxonomy complicate the identification of butterflies by their scientific names, and Aksakov does not always use them. Some of the fish and birds he names (*plotichka*, *loshok*, *bolotny kulik*, *kulichok-zuyok*) can only be definitively identified by recourse to the detailed descriptions in his fishing and wildfowling notes.

In relation to Aksakov’s prose, the phonetic properties of vernacular names of species should not be overlooked. As a poet with a keen interest in language, he was fully alert to them and often commented on names of particular interest (the Russian names for “curlew” and “capercaillie”, among others. Aksakov, *Provincial Wildfowler* 170, 222). Just as Nabokov was acutely aware of the evocative power of “fritillary”, “swallowtail”, “hairstreak” and “Camberwell beauty” (Nabokov *Speak, Memory* 119-39, 231), and the “fluffy and dreamy” syllables of *cheryomukha* (bird-cherry) (Pushkin III 9-15; Boyd 18), so too is Aksakov conscious of the musical resonances and associations inherent in, for example, *galateya* (marbled white), *ivolga* (oriole), *kronshnep* (curlew), *veretennik* (godwit) and *varakushka* (bluethroat). The resonances are inevitably altered in translation, simply by the substitution of technical target-language equivalents, but those may have a music of their own.

A century after Aksakov’s death, in his novel *Tremor of Intent*, Anthony Burgess, a writer well versed in Russian literary culture and in addition a composer and connoisseur of music, would exploit the auditory effects of bird names for a very different purpose: “[Hillier] let the cries of birds possess his ears,” and a catalogue of twenty-three species follows, including some of Aksakov’s favourites: the oriole, curlew, godwit and bluethroat (Burgess 1966, 79). In Burgess’s novel they form part of the accompaniment to Hillier’s “immense sexual bout” with Miss Devi (Burgess 1990, 127), helping to convey “the rhythms and cries of rutting”. Burgess would answer his critics by saying that much in that chapter “makes sense only to the ear”; rather than “senseless surrealism” it was an attempt at “phonographic realism”.²

Aksakov’s realism is more scientific in nature, which means that where the names of particular species occur the translator has little choice but to apply their standard English common names. The author’s detailed descriptions are an invaluable aid to identification, but here the translator has to navigate the lexical pitfalls of some colour terms: *purpurny*, used of the bands on the red admiral’s wings, corresponds to “purple” only in an obsolete sense, “crimson”. *Yakhontovy* has two very different meanings: ruby red and sapphire blue. In the

² Whether Burgess’s acquaintance with Russian literature extended to Aksakov’s nature notes is unknown, but in *Tremor of Intent* his name occurs in what may be an authorial hint, when Hillier delivers a report on intelligence gathered. It includes the following sentence, without further explanation: “The assassin of Sergei Timofeyevich Aksakov is in retirement at Fribourg; he goes under the name of Chichikov – a pretty touch” (Burgess 1966, 181).

case of the peacock butterfly, lest the reader be in doubt, Aksakov adds the qualifier *sinii* (dark blue).

Elsewhere, however, “accuracy” is not to be construed as word-for-word replication in a syntactic copy. Nabokov’s forcefully promulgated “ideal of literalism” (Pushkin I, x), if applied to Aksakov’s longer periods and folk sayings, might deter all but the most determined readers and necessitate a Nabokovian commentary. In the interests of readability, this translation strives to eschew the “Gefühl des Fremden” (sense of the foreign) advocated by Friedrich Schleiermacher in a famous essay (1813, 2002) and resuscitated by later theorists such as Lawrence Venuti (“foreignization”).

Writing in 1858, Aksakov was “looking back lovingly” at the enthusiasms of his youth fifty years earlier. The translation below attempts to convey the “tender emotion” and nostalgic feeling. It does not deliberately archaize but does try to avoid obvious lexical and stylistic anachronisms.

While Aksakov’s autobiographical prose and his fishing and shooting notes are available in English translation, there appears to have been no previous English version of “Collecting Butterflies”.

Bibliography

Aksakov, Sergei Timofeyevich. *Chronicles of a Russian Family*. Translated by M. C. Beverley, with an introduction by Prince Mirsky. Routledge, London, n. d. [1924].

———. *Notes of a Provincial Wildfowler*. Translated, introduced and annotated by Kevin Windle. Northwestern University Press, Evanston ILL, 1998.

———. *Notes on Fishing*. Translated, introduced and annotated by Thomas Hodge. Northwestern University Press, Evanston ILL, 1997.

———. *A Russian Gentleman* [Semeinaya khronika]. Translated by J. D. Duff, with an introduction by Edward Crankshaw. Oxford University Press, 1982 [1916].

———. “Sobiranie babochek.” *Sobranie sochinenii v piati tomakh* [“Collecting Butterflies”. Collected Works in five volumes]. Pravda, Vol. 2, 1966, pp. 158-214.

Boyd, Brian. “Nabokov as Translator: Passion and Precision.” *Rus, Revista de Literatura e Cultura Russa* 1, 2014, pp. 5-24.

Burgess, Anthony. *Tremor of Intent*. Heinemann, London, 1966.

———. *You’ve Had Your Time, Being the Second Part of the Confessions of Anthony Burgess*, Heinemann, London, 1990.

Durkin, Andrew R. “Pastoral in Aksakov: The transformation of poetry.” *Urbandus Review* 2, No. 1, Fall 1979, pp. 62-75. <https://www.jstor.org/stable/25748053> (Accessed 9 August 2024)

———. *Sergej Aksakov and Russian Pastoral*. Rutgers University Press, New Brunswick, N.J., 1983.

Mashinsky, S. S. *T. Aksakov: zhizn' i tvorchestvo* [S. T. Aksakov: Life and Work]. Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 1973.

Nabokov, Vladimir. *The Gift*. Putnam, New York, 1963.

———. *Speak, Memory: An autobiography revisited*. Putnam, New York, 1966.

———. *Ada*. Weidenfeld and Nicolson, London, 1969.

———. *Drugie berega* [Other Shores]. Knizhnaia palata, Moscow, 1989.

Pushkin, Aleksandr. *Eugene Onegin*. (4 Volumes) Translated by Vladimir Nabokov. Pantheon, New York, 1964.

Schleiermacher, Friedrich. “Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens” [On Different Methods of Translation]. *Kritische Gesamtausgabe* 1.11, 2002 [1813], pp. 67-93.

Windle, Kevin. “Nabokov, ‘the Wretched Aksakov’, and early English Translations of Sergei Aksakov’s Autobiographical Prose. Problems of natural history.” *Rus: Revista de Literatura e Cultura Russa* 4, 2014, 10-29.

Собирание бабочек (Excerpts)

Sergei Aksakov, *Sobranie sochinenii v 5-i tomakh*, Pravda, Vol. 2, 1966, pp. 158-214

Собирание бабочек было одним из тех увлечений моей ранней молодости, которое хотя недолго, но зато со всею силою страсти владело мною и оставило в моей памяти глубокое, свежее до сих пор впечатление. Я любил натуральную историю с детских лет; книжка на русском языке (которой названия не помню) с лубочными изображениями зверей, птиц, рыб, попавшаяся мне в руки еще в гимназии, с благоговеньем, от доски до доски, была выучена мною наизусть. Увидев, что в книжке нет того, что при первом взгляде было замечено моим детским пытливим вниманием, я сам пробовал описывать зверьков, птичек и рыбок, с которыми мне довелось покороче познакомиться. Это были ребячьи попытки мальчика, которому каждое приобретенное им самим знание казалось новостью, никому не известною, драгоценным и важным открытием, которое надобно записать и сообщить другим. С умилением смотрю я теперь на эти две тетрадки в четвертку из толстой синей бумаги, какой в настоящее время и отыскать нельзя. На страничках этих тетрадок детским почерком и слогом описаны: зайчик, белка, болотный кулик, куличок-зук, *неизвестный* куличок, плотичка, пескарь и лошок; очевидно, что мальчик-наблюдатель познакомился с ними первыми. Вскоре я развлекся множеством других новых и еще более важных интересов, которыми так богата молодая жизнь; развлекся и перестал описывать своих зверьков, птичек и рыбок.

Но горячая любовь к природе и живым творениям, населяющим божий мир, не остывала в душе моей, и через пятьдесят лет, обогащенный опытами охотничьей жизни страстного стрелка и рыбака, я оглянулся с любовью на свое детство – и попытки мальчика осуществил шестидесятилетний старик: вышли в свет

Collecting butterflies was one of the pastimes of my early youth which possessed me with such passion, however briefly, that it left deep traces in my memory, still fresh to this day. From childhood I loved natural history; while at school, I acquired a Russian book (I forget the title) with chapbook-style pictures of wild animals, birds and fish, and read it with religious devotion from cover to cover until I knew it by heart. Realizing that it did not cover some things which my inquisitive child's eye noticed at first glance, I tried to produce my own descriptions of the little animals, birds and fish I had become more closely familiar with. Those were the first childish attempts by a boy to whom every scrap of self-acquired knowledge seemed a precious and important revelation, unknown to anybody else, to be recorded and communicated to others. Now I look with tender emotion on those two quarto notebooks of thick blue paper, which today is nowhere to be found. On their pages are descriptions in childish terms and a childish hand of a hare, a squirrel, a black-tailed godwit, a common sandpiper and one unidentified sandpiper, a roach, a gudgeon and a taimen trout. It is clear that the boy-observer was encountering them for the first time. Soon I developed many other interests, in other new and even more important things of the kind a young life is so rich in; I was distracted and ceased to describe my animals, birds and fish.

But my passion for nature and the living creatures which populate God's world did not fade in my heart, and fifty years later, enriched by an ardent hunter's and fisherman's experience, I looked back lovingly at my childhood: an old man of sixty brought to completion the efforts of the boy. *Notes on Fishing* and *Notes of a*

«Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

Еще в ребячестве моем я получил из «Детского чтения»¹ понятие о червячках, которые превращаются в куколок, или хризалид, и, наконец, в бабочек. Это, конечно, придавало бабочкам новый интерес в моих глазах; но и без того я очень любил их. Да и в самом деле, из всех насекомых, населяющих божий мир, из всех мелких тварей, ползающих, прыгающих и летающих, – бабочка лучше, изящнее всех. Это поистине «порхающий цветок», или расписанный чудными яркими красками, блестящими золотом, серебром и перламутром, или испещренный неопределенными цветами и узорами, не менее прекрасными и привлекательными; это милое, чистое создание, никому не делающее вреда, питающееся соком цветов, который сосет оно своим хоботком, у иных коротеньким и толстым, а у иных длинным и тоненьким, как волос, свивающимся в несколько колечек, когда нет надобности в его употреблении. Как радостно первое появление бабочек весною! Обыкновенно это бывают бабочки крапивные, белые, а потом и желтые.

Какое одушевление придают они природе, только что просыпающейся к жизни после жестокой, продолжительной зимы, когда почти нет еще ни зеленой травы, ни листьев, когда вид голых деревьев и увядшей прошлогодней осенней растительности был бы очень печален, если б благодатное тепло и мысль, что скоро все зазеленеет, зацветет, что жизненные соки уже текут из корней вверх по стволам и ветвям древесным, что ростки молодых трав и растений уже пробиваются из согретой влажной земли, – не успокоивала, не веселила сердца человеческого.

Hunter in the Province of Orenburg are now in print.³

While still a child, I learned from “Reading for Children” about larvae which changed into cocoons, or chrysalids, and then into butterflies. That of course made butterflies more interesting in my eyes, but I was very fond of them anyway. And really, of all the insects which inhabit God’s world, of all the little crawling, jumping and flying organisms, the butterfly is the best, the most graceful. It is truly a “fluttering flower”, either painted in wonderful bright colours, brilliant gold, silver and mother-of-pearl, or stippled with indeterminate colours and patterns of no less beauty and appeal; it is a pure, lovable creature that does no harm to anyone, feeds on the sap of flowers which it sucks through its proboscis – short and stout in some, and in others long and as fine as a hair, coiled into several rings when not in use. What a delight is the first appearance of butterflies in spring! Usually, the first are the tortoiseshells, the whites and then the yellows.

How they enliven nature as it first awakens to life after a long, cruel winter with hardly any green grass or leaves! The sight of the bare trees and last year’s faded autumn vegetation would be dreary indeed, but for the bountiful warmth and the thought that everything will soon turn green and come into flower, the thought that vital juices are already flowing from the roots up through the boles and boughs, that new shoots of grass and plants are breaking through the warm moist soil – thoughts that calm and warm the human heart.

³ *Zapiski ob uzhen'e ryby* first appeared in 1847. The English translation, *Notes on Fishing*, was published by Northwestern University Press in 1997. *Zapiski ruzheinogo okhotnika v Orenburgskoi gubernii* appeared in 1852; the English translation, with the title *Notes of a Provincial Wildfowler*, in 1998 (Northwestern University Press).

В 1805 году, как известно, был утвержден устав Казанского университета, и через несколько месяцев последовало его открытие; между немногими преподавателями, начавшими чтение университетских лекций, находился ординарный профессор натуральной истории Карл Федорович Фукс, читавший свой предмет на французском языке. Это было уже в начале 1806 года. Хотя я свободно читал и понимал французские книги даже отвлеченного содержания, но разговорный язык и вообще изустная речь профессора сначала затрудняли меня; скоро, однако, я привык к ним и с жадностью слушал лекции Фукса. Много способствовало к ясному пониманию то обстоятельство, что Фукс читал по Блуменбаху, печатные экземпляры которого на русском языке находились у нас в руках. [...]

Между слушателями Фукса был один студент, Василий Тимьянский, [...]

Однажды Тимьянский при мне рассказывал, что видел у профессора большое собрание многих насекомых, и в том числе бабочек, и что Фукс обещал выучить его, как их ловить, раскладывать и сушить. [...]

Весною 1806 года я узнал, что Тимьянский вместе с студентом Кайсаровым уже начинают собирать насекомых и что способ собирания, то есть ловли, бабочек и доски для раскладывания их держат они в секрете. [...] Вдруг загорелось во мне сильное желание самому собирать бабочек. Я сообщил об этом другу моему, студенту А. И. Панаеву, и возбудил в нем такую же охоту. Сначала я обратился к Тимьянскому с просьбой научить меня производству этого дела; но он не согласился открыть мне секрета, говоря, что тогда откроет его, когда сделает значительное собрание, а только показал мне несколько экземпляров высушенных бабочек и насекомых. Это

In 1805, as is well known, the charter of the University of Kazan was ratified, and it opened a few months later. Among the few staff who began lecturing there was a professor of natural history, Karl Fyodorovich Fuchs, who gave his lectures in French. That was at the beginning of 1806. Although I could read French fluently and understand French books even of abstract content, the spoken language and the professor's speech at first caused me difficulty, but I soon grew accustomed to it and avidly followed his lectures. It helped greatly that Fuchs followed Blumenbach, printed copies of whose work we had in Russian.⁴ [...]

One of Fuchs's students was Vasily Timyansky. [...]

On one occasion Timyansky recounted in my presence how he had seen at Professor Fuchs's home a large collection of many insects, including butterflies, and said that Fuchs had promised to teach him how to catch, dry and set them. [...]

In the spring of 1806, I learned that Timyansky and a student called Kaiserov were starting to collect butterflies, and that they were keeping their methods of trapping and displaying them secret. [...] At that a powerful urge to collect butterflies myself awoke in me. I told my friend Alexander Panayev, and aroused the same enthusiasm in him. First I went to Timyansky and asked him to teach me how to do it, but he would not reveal his secret, saying that he would do so only when he had a substantial collection. He would show me only some dried specimens of butterflies and other insects. That fired me with even more enthusiasm, and I decided to go at once to

⁴ Johann Friedrich Blumenbach (1752-1840): scientist and philosopher at the University of Göttingen, author of *Handbuch der Naturgeschichte* (1780).

воспламенило меня еще больше, и я решил сейчас ехать к профессору Фуксу, который был в то же время доктор медицины и начинал практиковать. [...]

Мы ходили с Панаевым также на пасеку, или посеку, и находящиеся по обеим ее сторонам гористые места, или, лучше сказать, глубокие овраги, обраставшие тогда молодым леском. [...] Поиски наши были более или менее удачны, и мы, мало-помалу, приобрели всех тех бабочек, которые находились в собрании Тимьянского, и которых нам недоставало, кроме, однако, Кавалера Подалириуса.

Мы даже не имели надежды достать его, потому что появление Кавалера в окрестностях Казани считалось тогда редкостью. Кавалер Подалириус торчал, как заноза, в нашем сердце!

Не скоро достали мы и Кардамонную бабочку, которая, не будучи особенно ярка, пестра и красива, как-то очень мила. Ее кругловатые, молочной белизны крылушки покрыты каким-то особенным, нежным пухом; на каждом верхнем углу верхнего крыла у ней находится по одному пятну яркого оранжевого цвета, а испод нижних крыльев – зеленовато-пестрый. Но самыми красивыми бабочками можно было назвать, во-первых, бабочку Ирису; крылья у ней несколько зубчатые, блестящего темнубурого цвета, с ярким синим яхонтовым отливом; верхние до половины перерезаны белой повязкою, а на нижних у верхнего края находится по белому очку; особенно замечательно, что испод ее крыльев есть совершенный отпечаток лицевой стороны, только несколько бледнее. Еще красивее бабочка Аталанта, или Адмирал (*Atalanta*). У ней крылья также зубчатые, черные с лоском, испещренные белыми пятнушками; во всю длину верхних крыльев лежит повязка яркопурпурового цвета, а на нижних крылушках такая же повязка, только с черными пятнушками, огибают их боковые края. Надобно признаться, что у нас и у

Professor Fuchs, who was also a doctor of medicine and beginning to practise. [...]

Panayev and I visited a bee-garden and the hilly area on both sides of it, better described as a place of deep gullies overgrown at that time with young trees. [...] Our searches yielded a measure of success, and little by little we acquired all the butterflies which Timyansky had in his collection and which we lacked, with the exception of the swallowtail. We did not even entertain any hope of catching one, because they were then thought to be rare in the Kazan region. The swallowtail nagged at our hearts like a thorn!

After a while we caught an orange tip, which, though not very brightly coloured, is mottled, pretty and very appealing. Its rounded milk-white wings are covered in soft down of some particular kind. In the upper corner of each fore-wing is a single bright-orange patch, and the underside of the hind-wings is a greenish dapple. But the prettiest butterflies are the peacock and the red admiral. The peacock's slightly jagged-edged wings are a bright reddish-brown with a vivid sapphire sheen, and on the upper edge of each fore-wing and hind-wing is a white spot. Of particular note is the fact that the underwing is an exact copy of the upper wing, only a little paler. The *Atalanta* butterfly, or red admiral, is even prettier. It too has jagged-edged wings of glossy black with splashes of white; running the length of the fore-wings is a band of bright crimson and a band of identical colour, but dotted with black, borders the hind-wings. It must be admitted that in our collection, as in Timyansky's, there were many butterflies which we could not positively identify with the aid of Blumenbach, and for which Professor

Тимьянского было много бабочек
безыменных, которых нельзя было
определить по Блуменбаху и которых
профессор Фукс не умел назвать по-
русски.
[...]

Между тем лето вступало в права
свои. Прошла весна. Соловей допел свои
последние песни, да и другие певчие
птички почти все перестали петь. Только
варакушка еще передразнивала и
перевирала голоса и крики всяких птиц, да
и та скоро должна была умолкнуть.

Одни жаворонки, вися где-то в небе,
невидимые для глаз человеческих,
рассыпали с высоты свои мелодические
трели, оживляя сонную тишину знойного,
молчаливого лета. Да, прошла голосистая
весна, пора беззаботного веселья, песен,
любви! Прошли «летние повороты», то
есть 12 июня; поворотило солнышко на
зиму, а лето на жары, как говорит русский
народ; наступила и для птиц пора деловая,
пора неусыпных забот, беспрестанных
опасений, инстинктивного самозабвения,
самопожертвования, пора родительской
любви. Вывелись дети у певчих птичек,
надобно их кормить, потом учить летать и
ежеминутно беречь от опасных врагов, от
хищных птиц и зверей. Песен уже нет, а
есть крик; это не песня, а речь: отец и мать
беспрестанно окликают, зовут, манят своих
глупых детенышей, которые отвечают им
жалобным, однообразным писком, разевая
голодные рты. Такая перемена,
совершившаяся в какие-нибудь две недели,
в продолжение которых я не выходил за
город, сильно поразила и даже опечалила
меня, когда я, во второй половине июня,
вместе с неразлучным моим спутником
Панаевым, рано утром вошел в тенистый
Нееловский сад. – В прежние годы я не
замечал такой перемены.
[...]

Наконец, все экзамены кончились.
Надобно было ехать на летнюю вакацию:
мне в Симбирскую губернию, в Старое

Fuchs did not know the Russian name.
[...]

By now, summer had come on in
earnest. Springtime was over. The
nightingale had sung its last song and the
other small songbirds had almost stopped
singing. The bluethroat alone was still
mimicking and playing its variations on
the calls and songs of many other birds,
and soon it too would fall silent.

Only the skylarks, somewhere aloft in the
heavens, invisible to the human eye, went
on pouring down their melodious trills
from on high, enlivening the sleepy
stillness of the sultry, silent summer. Yes,
the springtime of vibrant song, the
carefree season of merry-making, singing
and love was over! The “turn of summer”,
that is 12th June, was past: the sun had
turned “winterwards”, as Russian country
folk say, and ushered in the summer heat.
A busy time set in for the birds too, a time
of ceaseless cares, endless dangers,
instinctive self-denial and self-sacrifice,
and parental love. The songbirds’ eggs
had hatched, and they had to feed their
young, then teach them to fly and be on
guard every moment against dangerous
foes, predatory birds and animals. They
no longer sang, but they called: it was no
longer song, but speech: father and mother
called constantly, summoning their silly
offspring, who replied in piteous
monotonous squeaks, their hungry mouths
agape. This change came about in a matter
of a fortnight, during which time I did not
leave the town, and it struck me forcibly
and even saddened me when in mid-June,
with my inseparable companion Panayev,
I entered Neyelovsky Park early one
morning. In previous years I had not
noticed such a change. [...]

At last all the examinations were
over. It was time to leave for the summer

Аксаково, где жило этот год мое семейство, а Панаевым – в Тетюшский уезд Казанской губернии, где жила их мать и сестры. В первый раз случилось, что радостное время поездки на вакацию в деревню, к семейству, было смущено в душе моей посторонней заботой.

По совету Фукса, бабочек мы оставляли в гимназической библиотеке под надзором ее смотрителя. Но что же было делать с моими гусеницами и хризалидами? Семь ящиков и три стеклянные банки нельзя было везти с собою в простой ямской кибитке; в одни сутки червяков бы затрясло, а хризалид оторвало с места и вообще все бы расстроилось, да и просто некуда было поместить эти громоздкие вещи; оставить же без призора мое воспитательное заведение – также было невозможно. Да и на кого же мог я положиться? В Казани оставался только мой кучер с лошадыю. Кто мог заменить меня? Признаюсь также, что жаль мне было оторваться от этого постоянного наблюдения, попечения, забот и ожиданий, которые я уже привык устремлять на жизнь моих питомцев, беспрестанно ожидая новых превращений и, наконец, последнего, полного превращения в какую-нибудь неизвестную мне чудную бабочку. Но делать было нечего, и с этою мыслию я уже примирился.
[...]

Когда все разъезды были кончены, деревенская жизнь с возможными по тамошней местности удовольствиями пошла по своей обыкновенной колее. Что и говорить – не было никакого сравнения между Старым и Новым Аксаковым! Там была река, огромный пруд, купанье, уженье и самая разнообразная стрельба, а здесь воды совсем почти не было, даже воду для питья привозили за две версты из

vacation: I was going to Old Aksakovo, in the province of Simbirsk, where my family were staying that year, while the Panayev brothers were going to Tetyushi in the province of Kazan, where their mother and sisters lived. For the first time the joy of travelling to the country, to my family, for the holidays was clouded for me by a nagging worry.

Following the advice of Fuchs, we had left our butterflies in the library in the care of the custodian. But what was I to do with my caterpillars and chrysalids? I could not take seven cartons and three glass jars with me in an ordinary covered wagon; in one day the caterpillars would have been shaken to death, the chrysalids torn loose and everything would have been jumbled up,⁵ and there was simply nowhere to put such bulky objects. To leave everything unsupervised was also out of the question. And on whom could I rely? In Kazan there was only my coachman and his horse. Who could take my place? I also admit that I was loath to tear myself away from the ceaseless observation and expectant care which I had grown used to lavishing on the life of my charges, constantly expecting new transformations, including that final complete metamorphosis into some wonderful new butterfly unknown to me. But there was nothing for it, and I had already resigned myself to the idea. [...]

When we had finished paying all our visits, country life resumed its wonted course, with all the pleasures that the locality offered. Say what one might, there was no comparison between Old and New Aksakovo! In the former there was a river, a huge pond, bathing, fishing and the most varied shooting, while the latter had hardly any water – even drinking water had to be carried two *versts* from

⁵ That was what we thought at the time, but we were mistaken: caterpillars can be safely transported in grass and leaves, and especially pupae in cotton. (Так мы думали тогда, но ошибались: червяков в траве и листьях, и особенно хризалид в хлопчатой бумаге, можно везти безопасно. Author's note)

родничков; охота с ружьем, правда, была чудесная, но лесная, для меня еще не доступная, да и легавой собаки не было.

Впрочем, отец возил меня несколько раз на охоту за выводками глухих тетеревов, которых тамошний охотник, крестьянин Егор Филатов, умел находить и поднимать без собаки; но все это было в лесу, и я не успевал поднять ружья, как все тетеревята разлетались в разные стороны, а отец мой и охотник Егор всякий раз, однако, умудрялись как-то убивать по несколько штук; я же только один раз убил глухого тетеревенка, имевшего глупость сесть на дерево. Вальдшнепов было великое множество, но для них еще не наступила пора. Впрочем, Егор приносил иногда старых и молодых вальдшнепов: молодых он ловил руками, с помощью своей зверовой собаки, а как он ухитрялся убивать старых – я и теперь не знаю, потому что он в лёт стрелять не умел. Около моховых болот, окруженных лесом, жило множество бекасов, старых и молодых; но я решительно не умел их стрелять, да и болотные берега озер под ногами так тряслись и опускались, «ходенем ходили», как говорили крестьяне, что я, по не привычке, и ходить там боялся. Езжали мы иногда в лес, целой семьей, за ягодами, за грибами, за орехами; но эти поездки мало меня привлекали. Итак, поневоле единственным моим наслаждением было собирание бабочек; на него-то устремил я все свое внимание и деятельность. Бабочек, по счастью, в Старом Аксакове оказалось очень много, и самых разнообразных пород; особенно же было много бабочек ночных и сумеречных. Гусениц попадалось уже мало, да я и не занимался ими, потому что выводиться было им уже некогда или поздно: наступал август месяц.

При первых моих поисках и в старом плодovitом саду, и на поницшей речке Майне, и около маленьких родничков,

some springs. The shooting, it is true, was wonderful, but it was forest shooting – still beyond my abilities, and we had no pointers.

However, my father did take me out hunting several times for broods of capercaillie, which a local hunter, the peasant Yegor Filatov, knew how to find and flush without a dog. But that was in the forest, and before I could raise my gun all the capercaillies had scattered in different directions. My father and Yegor somehow managed to shoot several each every time, while I only once succeeded in killing a small one which was silly enough to alight on a tree. Woodcock were very abundant, but the season for them had not yet opened. Yegor did sometimes bring in old and young woodcock: he caught the young birds with his hands, with the aid of his hunting dog, but how he managed to kill the adults I do not know to this day, because he was unable to shoot them in flight. Round the peat bogs, surrounded by woodland, lived many snipe, old and young, but I was quite incapable of shooting them, and the marshy fringes of the lakes shook so much and gave way underfoot that I, being unused to this, feared walking there; the ground danced, as the peasants said. Sometimes we drove as a family into the forest to pick berries, mushrooms or nuts, but those excursions held little appeal for me, so my only pleasure, willy-nilly, was to collect butterflies. That was the focus of all my attention and energy. Fortunately, in Old Aksakovo there were huge numbers of them, and of the most varied kinds. Moths and evening species were particularly abundant. I found few caterpillars, and did not bother much with them, because they would have too little time to hatch, as it was the beginning of August.

On my first expeditions and in the old orchard, along the low-flowing River Maina, and round the small springs which

которые кое-где просачивались по старому руслу реки, и на полянах между лесами я встретил не только бабочек, водившихся в окрестностях Казани, но много таких, о которых я не имел понятия. Сумеречных бабочек я караулил всегда в сумерки или отыскивал в лесном сумраке, даже среди дня, где они, не чувствуя яркого солнечного света, перепархивали с места на место. Ночных же бабочек, кроме отыскивания их днем в дуплах деревьев или в расщелинах заборов и старых строений, я добывал ночью, приманивая их на огонь. Я сделал себе маленький фонарь и привязывал его на вершину смородинного или барбарисового куста, или на синель, или невысокую яблонь. Привлеченные светом бабочки прилетали и кружились около моего фонаря, а я, стоя неподвижно возле него с готовой рампеткой, подхватывал их на лету. В непродолжительном времени я поймал около двадцати новых экземпляров; трудно было определить их названия по Блуменбаху, как мы ни хлопотали над ним вместе с сестрой.

[...]

Когда мы соединили наши четыре ящичка и привели их в надлежащий порядок, то есть расположили бабочек по родам, выставили нумера, составили регистр с названиями и описаниями, то поистине наше собрание можно было назвать превосходным во многих отношениях, хотя, конечно, не полным. Все студенты соглашались беспрекословно, и уже не было никакого спора, чье собрание лучше, наше или Тимьянского. Можно сказать, что мы с Панаевым торжествовали.

Между тем начались лекции, и я, чувствуя себя несколько отставшим, потому что с самой весны слишком много занимался бабочками, принялся с жаром догонять моих товарищей. Панаев тоже. Через неделю, однако, мы решились с ним, по старой привычке и не остывшей еще охоте, выйти за город, чтобы посмотреть, не

here and there broke through the old river bed, and in the woodland glades I found not only the butterflies I knew from Kazan, but many others of which I knew nothing. I always sought crepuscular moths at twilight, or in the gloom of the forest, where there was no bright sunlight and they fluttered from place to place even in daytime. As for night-flying moths, I hunted for them at night by luring them to a flame, besides seeking them during the day in tree hollows or chinks in fences and old buildings. I fashioned a little lamp and tied it to the top of a blackcurrant or barberry bush, or a lilac, or a small apple tree. Attracted by the light, the moths would fly in and circle round my lamp, while I stood motionless nearby, with my net at the ready, and caught them in flight. I soon had some twenty new specimens. It was difficult to identify them by name from Blumenbach's guide, however hard my sister and I tried. [...]

When Panayev and I combined our four cases and put everything into proper order, that is, arranged the butterflies in families, numbered them and compiled a register with names and descriptions, our collection could in many respects be truly considered splendid, although of course less than complete. All the students were in full agreement: there was no argument as to whose collection was the better, ours or Timyansky's. For Panayev and me, that could be called a moment of triumph.

In the meantime, lectures had recommenced, and I, feeling that I had fallen somewhat behind because since early spring I had spent too much time on my butterflies, set determinedly about catching up with my classmates. So did Panayev. A week later, however, he and I decided, following our old habit and not

попадется ли нам какая-нибудь новая, неизвестная порода бабочек. Но не только не попало нам новой, даже известных бабочек встретилось мало, потому что наступил уже конец августа и погода очень похолодела. С этого дня прекратились наши походы за бабочками, и прекратились навсегда! Пришла суровая осень, и все свободное время от учебных занятий мы посвятили литературе, с великим жаром издавая письменный журнал, под названием: «Журнал наших занятий». Я же, сверх того, сильно увлекся театром. У нас в университете составились спектакли, которые упрочили мою актерскую славу. Бабочки отошли сначала на второй план, но мы с Панаевым еще каждый день смотрели их, любовались ими, вспоминали с удовольствием, как доставались нам лучшие из них и как мы были тогда счастливы. Потом эти воспоминания день ото дня становились реже и беднее. Бабочки забывались понемногу, и страсть ловить и собирать их начала казаться нам слишком молодым или детским увлечением. Так казалось особенно мне, который был привязан к этой охоте несравненно горячее и страстнее Панаева.

В непродолжительном времени судьба моя была решена моим отцом и матерью: через несколько месяцев, в начале 1807 года, я должен был выйти из университета для поступления в статскую службу в Петербурге.

В университете в это время царствовал воинственный дух. Большая часть казенных студентов желала, хотя безнадежно, вступить в военную службу, чтоб принять личное и деятельное участие в войне с Наполеоном. Друг мой Александр Панаев с братом своим Иваном, нашим университетским лириком, также воспламенились бранным жаром и решились выйти немедленно из университета и определиться в кавалерию. [...]

having cooled to the chase, to go into the country again to see if we could catch some new and unknown species. But not only could we find no new ones, even the familiar ones were scarce, because it was already late August and the weather had turned much colder. From that day forth, our expeditions ceased, and ceased forever! A harsh autumn drew on, and all our spare time was given over to literature, as we eagerly produced a magazine called *Our Journal of Studies*. In addition, I had become deeply involved in theatricals: at the university we produced plays, which bolstered my reputation as an actor. Our butterflies retreated into the background at first, though Panayev and I still looked at them every day, admiring them and recalling with pleasure how we had captured the best of them and how happy we had been. Later, day by day, those memories became less frequent and less vivid. We slowly forgot about butterflies, and our passion for catching and collecting them began to seem too juvenile or childish a pastime. That was how I felt, especially, and I was incomparably more ardent and keen in the pursuit of it than Panayev.

Soon my fate was sealed by my father and mother: in a few months, at the beginning of 1807, I was to leave the university and enter the civil service in St Petersburg.

At that time, a warlike spirit reigned in the university. The majority of the state-scholarship students cherished a hopeless longing for an army career, in order to take a personal active part in the war against Napoleon. My friend Alexander Panayev and his brother Ivan, our university poet, were also fired by the martial flame and resolved to leave the university as soon as possible and join the cavalry. [...]

Прежде поступления на службу в Петербурге мне предстояло еще встретить весну в деревне, в моем любимом Аксакове. Прилет птицы приводил меня в восторг при одном воспоминании о той весне, которую я провел там, будучи еще восьмилетним мальчиком; но теперь, когда я мог встретить весну с ружьем в руках, прилет птицы казался мне таким желанным и блаженным временем, что дай только бог терпенья дожить до него и сил – пережить его. При таком настроении не было уже места бабочкам в мечтах и желаниях, кипевших в то время в моей голове и душе. Сначала я подарил свою половину бабочек Панаеву. Панаев же подарил мне прекрасные рисунки лучших из них, снятые им с природы с большим искусством и точностью; а как потом Панаев задумал в военную службу, то мы отдали бабочек в вечное и потомственное владение Тимьянскому. Остались ли они его собственностью, или он пожертвовал их в университетский кабинет натуральной истории – ничего не знаю.

Быстро, но горячо прошла по душе моей страсть – иначе я не могу назвать ее – ловить и собирать бабочек. Она доходила до излишеств, до крайностей, до смешного; может быть, на несколько месяцев она помешала мне внимательно слушать лекции... но нужды нет! Я не жалею об этом. Всякое бескорыстное стремление, напряжение сил душевных нравственно полезно человеку. На всю жизнь осталось у меня отрадное воспоминание этого времени, многих счастливых, блаженных часов. Ловля бабочек происходила под открытым небом, она была обставлена разнообразными явлениями, красотами, чудесами природы. Горы, леса и луга, по которым бродил я с рампеткою, вечера, когда я подкарауливал сумеречных бабочек, и ночи, когда на огонь приманивал я бабочек ночных, как будто не замечались мною: все внимание, казалось, было устремлено на драгоценную

Before entering government service in St Petersburg, I would spend one more spring in the country, in my beloved Aksakovo. The arrival of the birds delighted me at the mere memory of that spring I had spent there as a boy of eight; but now that I could greet the spring with shotgun in hand, it seemed to me such a blessed time that I wished only for the patience, with God's will, to see it come on, and the strength to last the season. In that mood, there was no longer room for butterflies in the dreams and desires that seethed in my mind and heart. First I gave my half of the butterflies to Panayev. He gave me his wonderful sketches of the best of them, made from life with great precision and art. When Panayev later decided to join the army, we gave our butterflies to Timyansky to keep permanently. Whether they remained his property, or whether he donated them to the university's natural history collection I do not know.

My passion – I have no other word for it – for catching and collecting butterflies was brief but feverish. It ran to excess, to comical extremes. It may have prevented me from paying proper attention to my lectures for some months. It matters not! I do not regret it. Any selfless concentration of one's spiritual energies is morally beneficial. The joyful memory of that time, of so many blissfully happy hours, has remained with me all my life. The netting of butterflies took place under the open sky, and was accompanied by a variety of wonders and beauties of nature. The hills, forests and meadows I roamed with my net, the evenings when I stalked the crepuscular moths, and the nights when I lured night-flying moths to a flame seemed to pass unnoticed: all my attention was focussed on my precious prey. But, although I failed to notice it, nature imprinted itself

добычу; но природа, незаметно для меня самого, отражалась на душе моей вечными красотами своими, а такие впечатления, ярко и стройно возникающие впоследствии, – благодатны, и воспоминание о них вызывает отрадное чувство из глубины души человеческой.

upon me with its eternal beauty, and such impressions, returning subsequently in luminous and harmonious form, are bountiful, and the memory of them calls forth a feeling of joy from the very depths of one's being.